

ШКОЛА ЛАВРЕНТЬЕВА

Пятидесятые годы... Страна залечивала раны после тяжелой и разорительной войны. А ученые думали о том, как ускорить восстановление народного хозяйства, что нужно сделать для того, чтобы страна развивалась и процветала.

Академик Андрей Трофимук

Михаил Алексеевич Лаврентьев, Сергей Алексеевич Христианович, Сергей Львович Соболев — все физики и одновременно математики, очень много сделавшие для обороны страны во время войны, участвовавшие в создании атомного щита державы, выдвинули идею создания в Сибири крупного научного центра, в котором были бы объединены ученые, представляющие самую современную науку, которая, развиваясь сама, подтягивала бы за собой и отрасли народного хозяйства. Такими передовыми науками провозглашались математика, физика, химия, геология и т.д.

Несмотря на то, что уже в то время наука была неплохо представлена на периферии — в Томске, Иркутске, Якутске, на Сахалине, других регионах, где были созданы филиалы Академии наук, возглавляемые видными учеными, она все-таки носила скорее региональный характер и была недостаточна для развития ведущих дисциплин. Существовала объективная необходимость прорыва, поднятия этой науки до уровня союзной и мировой.

Совет Министров СССР одобрил предложения Лаврентьева и Христиановича. 18 мая 1957 года было принято Постановление "Об организации Сибирского отделения АН СССР". Но, конечно же, главную роль в принятии этого решения сыграл Никита Сергеевич Хрущев, который стал политическим организатором Сибирского отделения. Лаврентьев был знаком с Хрущевым еще со времен совместной работы на Украине и, имея возможность неоднократно с ним встречаться, сумел внушить генсеку мысль о создании научного центра в Сибири и зажег его своей идеей.

Еще перед выходом постановления Лаврентьев вместе с Христиановичем отправились по Сибири, чтобы посмотреть, куда "посадить" этот центр, прибывающий извне. Сначала они побывали в Томске, где их встретили весьма неприветливо. Томичи полагали, что они находятся уже на весьма высоком научном уровне, и, что помощь столицы им не требуется, и если уж у государства имеются деньги, то пусть оно развивает их собственные начинания. Следующим городом стал Иркутск, где отношение к идее тоже было весьма хмурое. Там вообще недоумевали — для чего это нужно? В Новосибирск приехали, уже готовясь к нерадостной встрече. Но здесь, вопреки ожиданиям, их встретил радушный прием руководства филиала Академии наук. Новосибирские ученые полностью поддержали идею, заверили, что окажут всемерную поддержку и даже стали торопить: чем быстрее будет создан такой научный центр, тем больше будет пользы! Это и решило вопрос о местонахождении Академгородка.

Нельзя не сказать и об общем настрое большой Академии, весьма ревниво отнесшейся к инициативе ученых, не понимавшей, для чего нужно увозить из Москвы лучшие кадры, недоумевавшей, почему нельзя руководить наукой из столицы? Не понимали Лаврентьева даже на уровне президента Академии наук. Ему говорили: "Ну привезете этих ученых, они сломаются и вернутся назад. Ничего у вас не получится!" Да и многие ученые рассуждали так: "Зачем я туда поеду? Я живу на проспекте Ленина. Рядом — академические учреждения. Если нужно с кем-либо встретиться, это можно легко сделать и на квартире, и в институте. А что будет в

Сибири? Какой-то шатер?" На это Лаврентьев отвечал: "У нас будет именно такая обстановка, которая предусматривает взаимодействие наук. Причем это взаимодействие обуславливается самим проектом, все будет расположено рядом, удобно". Другие возражали: "У вас университета даже нет!"

— Будет университет!

— Позвольте, как работать, если нет приличной библиотеки?

— Будет библиотека! Одну из московских библиотек переместим в Сибирь!

И действительно, одна из самых крупных библиотек Москвы с огромным фондом научно-технической литературы перекочевала сюда, и ей приготовили прекрасное здание.

Другие выдвигали такой довод: "Я-то согласен, но вот моя жена — ни в какую!" Ответ был примерно таким: "Ну что ж, в Сибири много прекрасных женщин, и они смогут вам заменить несговорчивую супругу!"

Подбирая кадры, работая над организацией Сибирского отделения, Лаврентьев не хотел, чтобы новое дело превратилось в некую кампанию, действующую по принципу: пошумели — и разошлись. Поэтому, встречаясь с претендентами, с теми, кто был приглашен, ставил неременное условие: выезжать в Сибирь не временно, а на всю жизнь! И он все время предупреждал коллег: тщательно посмотрите, не двигают ли людьми карьеристские цели? Нет ли таких, кто стремится показать себя в новом престижном деле, а затем удалится в Москву? Поэтому он лично беседовал практически со всеми, в том числе и со мной. К тому времени я уже был четыре года членом-корреспондентом Академии наук. Однако, знакомясь с моими анкетными данными, Михаил Алексеевич спросил:

— Вот вы уже семь лет руководители в Москве крупнейшим институтом, в котором трудятся три тысячи человек, занимаетесь важным делом по разработке открытых месторождений нефти. Что вас тянет в Сибирь? Ведь мы пока даже не определились с местом, где будет расположен центр, и ничего вам не обещаем...

Я отвечал, что для меня Сибирь не новинка, что детство я провел в Сибири, что, имея возможность ознакомиться с проблемой, убедился: развитие нефтяной промышленности будет определяться именно Сибирью, что по натуре я — разведчик, что с моей точки зрения этот регион просто плавает на нефти. Эти слова очень вдохновили Михаила Алексеевича, хотя впоследствии он не раз упрекал меня на больших собраниях: "Вот академик Трофимук мне говорил, что Сибирь плавает на нефти. Пусть хоть пробирку покажет с этой нефтью!"

К счастью, через три года открытие свершилось — в 1960 году забились такие нефтяные фонтаны! Этим примером я хочу показать, как тщательно подбирались люди, как Лаврентьев следил, чтобы в его команду не попали случайные попутчики.

Позже, когда уже заработали институты, когда появился городок, осуществлять подбор кадров стало существенно легче. У Отделения появился авторитет, и мы уже сами могли выбирать очередную "жертву" для переезда сюда.

Основатель Сибирского отделения был человеком большого мужества. Достаточно сказать, что он решился в то время, когда биология и кибернетика подвергались гонениям, привлечь наиболее выдающихся и преследуемых ученых. С самого начала он предпочел не оглядываться на начальство, не убоился ссоры с ним, а шел вперед, сообразуясь с целесообразностью. Хотя многие считали, чтобы не загубить общее дело, на первых порах надо бы быть осторожнее и осмотрительнее.

По этому поводу у него с Хрущевым неоднократно возникали напряженные моменты в отношениях. Хрущев был человеком крайних противоречий. В нем было столько же отрицательного, сколько и положительного. И здесь, делая большое дело, поставив его с огромным размахом, способствуя расцвету наук, с другой стороны он с такой же энергией и губил науку. Он прославился тем, что топтал ученых, которые выходили на передовые рубежи современности — генетиков, биологов. Превозносил академика Лысенко и заявлял, что если того не изберут в члены Президиума, он вообще разгонит Академию. А у нас как раз и не было желания избирать его. Неоднократно он кричал: "Я вас разгоню! Я лишу вас дополнительных оплат, всех привилегий! Академия нужна была Петру I, а нам она для чего?" Хрущев, создавший научный оазис, многое делал, чтобы и разрушить его.

Хорошо помню многочисленные приезды Хрущева в Новосибирск. С одной стороны, он восхищался всем увиденным в Академгородке, с другой — запрещал проекты, набрасывался на Лаврентьева: "Как вы посмели пригласить сюда вейсманистов-морганистов и даже организовать для них институт?" К каждому визиту Хрущева мы делали экспозиции, выставки, в которых были отражены достижения всех наших институтов. Экспозицию же биологов всегда держали под замком, чтобы лишний раз не напоминать о них, чтобы не вызывать гнев и раздражение высокого начальства. Попросят — откроем, не вспомнят — тем

Хрущев с партийно-советским "эскортом" в гостях у Лаврентьева. Слушает, думает, спорит, помогает.

лучше. В свой последний приезд Никита Сергеевич привез с собой дочь Раду. Она, по специальности биолог, проявила интерес к экспозиции, внимательно посмотрела выставку. А когда все приехали в геологический музей, Хрущев стал в очередной раз упрекать Лаврентьева: "Что же это вы держите у себя представителей буржуазной науки?" Рада была в этот момент рядом, услышала его слова и неожиданно резко сказала: "Отец! Не на ту лошадь ты ставишь! Провалишься ты на этом! Я была там и все видела. Это самый современный уровень. Незаслуженно ты нападаешь на них". Все опешили... И сам Хрущев какое-то время был в большом замешательстве. А потом стал отшучиваться: "Видите, какие времена нынче настали! Как родная дочь со мной расправляется!" На этом инцидент был исчерпан, и больше никаких нападок в адрес биологов не было.

Приехали мы в Сибирь в то время, когда научные учреждения только начали строиться. Первое время трудились в Центральном районе, в здании на Советской, 20. Лаврентьев, когда было сдано первое институтское здание, не стал по праву сильного и главного забирать его под свое детище — Институт гидродинамики, а поделился с другими. В этом был весь Лаврентьев. Высокое благородство всегда было свойственно этому человеку.

На первых порах строительство шло не так быстро и хорошо, как того хотелось бы, и это несмотря на большой поток финансовых и материальных средств. Приходилось то и дело сталкиваться с несправедливостью областного и городского партийного руководства, откровенным местничеством. Нам широким потоком шло оборудование, строительные и отделочные материалы, но во власти обкома партии было все это направить в другую сторону — всем хотелось погреться у чужого костра. Это очень встревожило Михаила Алексеевича. Он пошел в обком и потребовал поставить под контроль все, что приходит в адрес научного центра. Секретарь обкома, предшественник Горячева, кажется, Кобелев, высокомерно и нагло заявил Лаврентьеву: "А ты кто такой? Ты расскажи, за что тебя сослали в Сибирь? Мы тебе это поможем вспомнить!" Но Лаврентьева было не запугать. Стоило его тронуть — просыпался вулкан! Он так "наподал" партийному чиновнику за эти слова, что тот

тут же пожалел о сказанном. Чиновничий мир всегда обуян страхом. Стоит только дать чиновнику понять, что и на него найдется управа, как любая шишка сразу превращается в ничтожество... После инцидента с обкомом Лаврентьев добился того, чтобы строительство осуществлялось через средмашевцев — мощную, независимую и богатую организацию, на которую местные чиновники не осмеливались накладывать свои лапы.

Основатель научного центра был человеком независимым. Его не раз приглашали быть членом бюро обкома КПСС. Но он и здесь был оригиналом и заявлял, что Новосибирск — это еще не вся Сибирь. "Если я буду состоять здесь, то что же скажут секретари обкомов других регионов Сибири и Дальнего Востока? Я хотел бы оставаться объективным, чтобы вы на меня не давили, и я на вас не давил". Это была его четкая позиция, которая, конечно же, вызывала недовольство: "Как, вы нам не доверяете?" Но он оставался непреклонным, объясняя, что должен действовать в интересах всех регионов. И делал это. Помню, как на Сахалине, куда мы послали одного из лучших ученых-нефтяников страны, его собрались исключить из партии. И только за то, что он отказался предоставить часть квартир в пользу обкома во вновь выстроенном доме для ученых. Я был в Москве в этот момент и совершенно случайно встретился в ЦК на Старой площади с Лаврентьевым: вижу, движется по коридору его высокая фигура, выбрасывая вперед длинные ноги. Я говорю: "Михаил Алексеевич, наших бьют!"

— Что такое?

— Да вот, — объясняю, — так и так.

— Идем! — Он врывается в первый же кабинет, просит позвонить по связи ВЧ, связывается с Сахалином и заявляет первому секретарю обкома: "Я узнал, что вы там хулиганите! Но это вам не пройдет! Я звоню из ЦК и сейчас же иду докладывать о ваших подвигах". На том конце провода заверили: "Не волнуйтесь, пожалуйста, сегодня же все исправим, все сделаем так, как надо!" Этим примером я хочу показать, что было такое время, когда ученым волей-неволей приходилось действовать не свойственными им методами. Но что делать? Чиновный мир только такой язык и понимает.

Энергия замыслов с не меньшей энергией перетекала в энергию дел — строительство стало идти успешно, царил дух подъема и энтузиазма. Был создан такой прекрасный научный климат, когда каждый был готов взяться за любую задачу — лишь бы страна в ней нуждалась! Процветала атмосфера дружбы, творческого взаимодействия между науками, формировались пути, способные закрепить достигнутое и развить далее. Михаил Алексеевич был человеком демократическим, доступным, но очень крутого и сильного характера. Он был нетерпим к людям чванливым и заносчивым. Его обожали и... боялись.

Перед созданным Сибирским отделением Лаврентьев ставил три основополагающие задачи: первая — развитие науки, вторая — немедленное продвижение достижений науки в народное хозяйство, в промышленность, третья — подготовка смены. Он учил нас не только провозглашать эти принципы, но и претворять их в жизнь организационными мероприятиями. И эти задачи начали зримо воплощаться — был создан круг внедрения. Министерства размещали своих разработчиков в городке, чтобы они имели возможность напрямую подпитываться самыми свежими достижениями науки и, благодаря сотрудничеству с нею, быстрее применять их на практике.

Возьмите для примера известную на всю страну физико-математическую школу. Это была идея Лаврентьева — искать таланты. Он говорил: "Ломоносов пешком пришел из Архангельска в Москву, чтобы показать свои способности. Мы же должны искать таких, как Ломоносов, находить их и готовить из них специалистов и ученых". Так

появилось прекрасное учебное заведение, которое и сейчас готовит высококвалифицированные кадры.

А университет?! Несмотря на то, что он принадлежал Министерству высшего образования, мы о нем заботились куда больше, чем министерство. Ректор университета неизменно избирался членом Президиума Сибирского отделения, и благодаря этому была счастливая возможность напрямую решать проблемы, усилиями всего содружества ученых преодолевать возникающие трудности. Поэтому университет очень быстро набирал силы и, как мне представляется сейчас, является если не первым, то по крайней мере, вторым в стране по своей значимости, по уровню подготовки кадров.

Просто удивительно, как быстро "сибирская глушь" преображалась, превращаясь в центр передовой науки. Сюда считали необходимым приезжать многие лидеры ведущих мировых держав. Они приезжали и восхищались. Новосибирск гремел!

И сама Сибирь в целом начала стремительно развиваться благодаря открытию крупных месторождений, их разработке и освоению, благодаря найденному богатству, таившемуся в ее недрах. Я порой думаю: что бы мы делали сейчас, если бы не было сибирской нефти, сибирского газа? Мы бы давно стояли на коленях перед Западом!

...Когда сняли Хрущева, начали подбирать ключи и к Лаврентьеву, как к его любимцу. Искали повод, чтобы быстрее от него избавиться. Стали очень пристально присматриваться к его здоровью и просто "выдавили" его. Лаврентьев согласился на отставку лишь после того, как получил заверения, что его пост займет его последователь и соратник Гурий Иванович Марчук. Но, конечно же, сам Михаил Алексеевич был очень огорчен преждевременной отставкой — он мог бы еще лет пять как минимум энергично и блестяще руководить начатым им делом.

Лаврентьева не стало в 1980 году. Но школа его жива. И даже тот факт, что сейчас, в этих тяжелейших для ученых условиях Сибирское отделение не только выживает, но и живет, и двигает науку, говорит о том, что жива лаврентьевская закваска. Недаром сам президент большой Академии заявил, что ученые страны должны учиться у сибиряков. В настоящее время доля сибиряков в общем составе Академии составляет всего 20 процентов, но эта небольшая доля стоит остальных восьмидесяти!

1994 г.
Новосибирский Академгородок.
Фото Р.Ахмерова

стр.